

Лео Певзнер

Там где мы есть

Лео Певзнер

Там где мы есть

ЗАПИСКИ ВЕЧНОГО ЕВРЕЯ

Лео Певзнер

**Там, где мы есть.
Записки вечного еврея**

«Э.РА»

2013–2018

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Певзнер Л.

Там, где мы есть. Записки вечного еврея / Л. Певзнер — «Э.РА»,
2013–2018

ISBN 978-5-99062-251-7

Эпический по своим масштабам исход евреев из России в конце двадцатого века завершил их неоднозначные «двести лет вместе» с русским народом. Выросшие в тех же коммунальных квартирах тоталитарного общества, сейчас эти люди для России уже иностранцы, но все равно свои, потому что выросли здесь и впитали русскую культуру. Чтобы память о прошлом не ушла так быстро, автор приводит зарисовки и мысли о последнем еврейском исходе, а также откровенно делится своим взглядом на этические ценности, оставленные в одном мире и приобретенные в другом. Эта книга поможет читателю открыть что-то новое о народе, о котором все казалось простым и ясным, но оказалось не простым и не ясным. Книга написана популярным языком, доступным для широкой аудитории читателей.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-251-7

© Певзнер Л., 2013–2018
© Э.РА, 2013–2018

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие к американскому изданию	8
Введение	10
I. Исход двадцатого века	13
Такие же или другие?	14
Пятый пункт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лео Певзнер

Там, где мы есть. Записки вечного еврея

Leo Pevsner

«The Long Lasting Journey. Notes of a Wandering Jew»

© Лео Певзнер 2018

Памяти моих родителей, Ревекки и Арнольда

Предисловие к русскому изданию

Тот, кто родился в Советском Союзе, в Ленинграде до 1991 года, возможно, испытывает некоторое смущение, заполняя сегодня официальные бумаги: ни этого города, ни этого государства сегодня на карте нет. Тем не менее, именно Ленинград – моя родина, это название мне близко, и Ленин не имеет к этому отношения. Новое (старое) название «Санкт-Петербург» отдает чем-то чужим, дореволюционно-холодным. Я – ленинградец, и мне всегда приятно отвечать на вопрос, откуда я родом. Я бы даже сказал, что ленинградец – это моя национальность, если бы не чувствовал, что есть другая, более важная для меня идентичность – я еврей. Важная хотя бы потому, что мы, хотя и такие же, но в чем-то неуловимом все же другие. В чем эта «дружность» и почему она есть, как влияла на судьбы русских евреев – вопрос, который всегда волновал многих, независимо от их отношения к евреям.

В городах Советского Союза никогда не было разделения на районы проживания по национальностям, или комьюнити, – как называют их в Америке. Люди разного этнического происхождения – русские, евреи, татары, украинцы – росли вместе с младенчества, учились в одних классах, у одних и тех же учителей. Разделяющих народы конфессий для них не существовало вовсе... Но было государство, которое выделяло людей по национальностям и давало преимущества одним перед другими, и был многонациональный народ, который тоже обращал внимание на то, кто ты по происхождению, хотя дальше обзывания по национальному признаку и редкого мордобоя дело не заходило. Достаточно ли было всего этого, чтобы сотни тысяч евреев покинули страну, где родились и опять (который раз в истории!) расселились по разным странам? И наконец, что мы, «вечные евреи», потеряли и что нашли в дальних краях?

Я попытался размышлять над этими вопросами, написал и издал в Соединенных Штатах книгу на английском языке. «Почему на английском?» – резонно спросите вы. Несколько человек, с которыми я поделился своим замыслом, тоже спросили меня об этом. Отвечаю: русский, безусловно, мой родной язык... но дело в том, что мои внуки и последующие потомки, живя в Америке, если и будут говорить по-русски, то думаю, прочесть целую книгу на русском им будет трудно и удовольствия от такого чтения будет немного. Для них русский окажется чем-то вроде того, чем был идиш для моего поколения русских евреев – едва понятный и практически неиспользуемый язык предков... или даже непонятный и вовсе неиспользуемый, каким он остался для меня.

После выхода книги в Америке я подумал, что, возможно, русскоговорящие читатели найдут что-то интересное о тех, кто много лет назад были их соседями, почти такими же, как и они сами, – правда, с одним унаследованным *отрицательным пунктом*. Сейчас эти люди для России – уже иностранцы, но все равно свои, потому что родились здесь, и только пресловутый «пятый пункт» в советском паспорте являлся для них источником больших и малых проблем.

Но рассказать мне хотелось не о том, как живут *там* бывшие соотечественники – об этом уже достаточно сказано, – а кто они в глазах тамошнего народа и в своих собственных, зачем они там. В конце концов, я решил перевести свою книгу на родной язык с некоторыми изменениями. Хотел только перевести, но получилась другая книга на эту же тему.

Книга написана на фоне драматических событий второй половины двадцатого и начала двадцать первого века и покрывает как российский, так и американский опыт жизни. Несмотря на десятки прожитых в новой стране лет, по менталитету (не по образу жизни, языку или привычкам) люди советских поколений еще не полностью свои *там*, но уже и не свои *здесь*. И только выросшие дети и рожденные *там* внуки полностью влились в американский мейнстрим. Я хочу, чтобы они знали, что мы нашли *там* и что потеряли *здесь*, в России.

«ТАМ, ГДЕ МЫ ЕСТЬ» – название русского перевода книги. Представляю ее на ваш суд, дорогие бывшие сограждане.

Нью-Джерси
Январь 2018

Предисловие к американскому изданию

Эмиграция евреев из царской России, затем Советского Союза и республик происходила волнами, где пик, как правило, приходился на совпадение по времени самых неблагоприятных для евреев лет с ослаблением ограничений на эмиграцию со стороны властей. Трудно сказать однозначно, сколько насчитывается волн еврейской эмиграции. Если считать не по тому, куда евреи эмигрировали из России, а по тому, сколько их уезжало, получится две большие волны с ярко выраженными пиками: первая волна с 1890 по 1920 гг. и вторая – с 1970 по 2000 гг. Нисколько не претендую на освещение судеб и характеров этой волны – у каждой семьи, каждого индивидуума своя судьба, свой уникальный успех или неуспех. Эта книга выражает лишь субъективный взгляд на происшедшие с нами события глазами одного представителя этой эмигрантской волны, прибывшей к берегам Соединенных Штатов Америки.

Большинство изданных в Штатах книг о советских евреях-эмигрантах описывают их жизнь в Советском Союзе и историю еврейской эмиграции в свете борьбы за право на выезд. Этот драматический аспект истории советских евреев довольно подробно освещен. Мой интерес к этой теме связан с ролью и местом русских евреев в современном мире, причин их исхода из России и из бывших республик Советского Союза, а также с их самоидентичностью. Евреи, переехавшие из России в Америку, обладают уникальной, даже не двойной (как, например, в Израиле), а тройной идентичностью. С кем каждый из них себя отождествляет? С евреями? русскими? американцами? А на сколько процентов? Кому они (мы) остаются лояльными, будучи русскими по культуре, евреями по происхождению, и американцами (канадцами, австралийцами и т. д.) по стране проживания, принявшей их? Это ведь не просто то, как ты себя называешь, а то, кем себя ощущаешь, а иными словами, кого ты теперь готов защищать? Здесь надо подчеркнуть, что в Израиле у русско-еврейских репатриантов (они там не иммигранты!) особая идентичность, и вопрос решен однозначно: кто бы откуда ни приехал – они все израильтяне, и совершенно понятно, кого и что они будут защищать. Этот аспект иммигрантской жизни освещен гораздо меньше, но он интересен в век конфликта цивилизаций, век, ставший по воле политиков кочевым для многих народов, временем миграции огромных людских масс.

Три четверти всех советских евреев покинули страну, где родились, со смешанными чувствами расставания, горечи и надежды. Неприязнь государства и разных слоев общества по отношению к евреям существовала всегда, и она нашла отражение во многих обвинениях по отношению к ним, в том числе в литературных произведениях больших русских писателей.

Через тридцать-сорок лет наши правнуки уже едва ли будут знать о судьбах их предшественников, прошедших испытания реальным социализмом в одной стране и свободой в другой. Реальный советский социализм был режимом, по сути своей, человеконенавистническим, заставлявшим людей делать, думать и говорить то, что хочет власть. Но и свобода оказалась не той доброй тетей, что раздает всем без разбору. Свобода жестока, и поколение, жившее в равном распределении бедности, будет долго привыкать к неравенству, происходящему от равенства возможностей в условиях настоящей свободы. Евреи России всегда были частью существовавшей в ней системы – сначала угнетенные и ограничиваемые чертой оседлости, потом способствовавшие приходу к власти большевиков с их террором, затем этой же властью преследуемые, а в конце ее существования – покинувшие эту страну в поисках лучшей жизни для себя и своих детей.

Эта книга – о евреях, живших в России и бывших республиках Союза вместе с другими его народами, обобщенно названными «русскими», и затем по собственному выбору ставших американцами, израильтянами или гражданами других стран в конце двадцатого века. Автор книги – один из них. Это рассказ о расставании двух народов, выросших в коммунальных

квартирах тоталитарного общества, но ощущавших разное отношение к ним со стороны этого общества. Это отношение не было хорошим к одним, а плохим к другим, но скорее, безразличным к одному народу и предвзято-негативным к другому.

Чтобы память и боль прошлого не ушла так быстро в историю, хотелось поразмышлять об этом и сохранить некоторые зарисовки этого последнего еврейского исхода, а также поделиться своим совсем необъективным взглядом на окружавший нас мир там, где мы были, и там, где мы есть.

*Нью-Джерси
Февраль, 2013*

Введение

1997-й, второй год в Нью-Йорке. Все еще впитываю новый мир, так непохожий на мой прежний, изучаю, как общаются люди, как устроена новая страна. Это лучше удастся на работе, где я работаю на великих стройках капитализма. В одной со мной команде – поляки, югославы, латиноамериканцы, и только я один из России. В такой компании каждый акцент привносит что-то свое, национальное. Как-то в один из перерывов на ланч тема обсуждения была о том, как каждый из них заживет, когда вернется на родину с чемоданом заработанных в Америке денег. Кто-то мечтал вернуться после получения американской пенсии, другие хотели скопить деньги на покупку своего дома и потом возвратиться. Каждый думал, в конечном итоге, о возвращении, понимая, что его настоящий дом там, на родине. Когда очередь поделиться видением своего будущего дошла до меня, я сказал, что у меня нет планов вернуться в Россию. Помню, они были очень удивлены. Даже если кто-то из них и не был уверен на все сто в своем возвращении, он знал, что его настоящий дом находится в Польше, Сербии, Колумбии. Я им не сказал, что я еврей. Для них, если ты из России, значит – ты русский: твоя национальность такова, каков твой родной язык. В России по-другому – еврей был и есть еврей. И даже само это слово, просто отражающее национальную принадлежность, всегда звучало обидно.

Когда один из журналистов спросил поэта Иосифа Бродского после вручения тому Нобелевской Премии по литературе: «Вы американский гражданин, получивший Премию за поэзию на русском языке. Кто вы – американец или русский?» – «Я еврей... русский поэт... и эссеист, пишущий по-английски», – ответил Бродский. И в этом его ответе звучал кризис идентичности еврея, покинувшего русскую родину и осевшего в далекой стране. Это сказал поэт, что же говорить о нас, грешных, какой компас у нас? Из-за такой «многохарактерности» есть некоторое замешательство в том, с кем каждый из нас, русских евреев Америки, идентифицирует себя. То, как мы живем, что видим и слышим вокруг себя, помноженное на нашу генетическую память, влияет на то, с кем мы себя отождествляем, что думаем о себе.

Итак, после двухсот лет вместе, в одной стране, большая часть русских евреев навсегда покинула Россию и переехала в Израиль, Америку, Канаду, Австралию, Германию, растеклась по другим странам. Была ли Россия матерью или мачехой для этих людей? Были ли евреи лояльны по отношению к ней? Какие воспоминания о родине уносили они с собой? Почему те, кто были евреями в России, стали вдруг русскими в других странах? Какова теперь их самоидентичность, и вообще, кто такие русские евреи *там*? Вопросы, вопросы...

Масштаб выезда евреев из России и бывших советских республик в конце двадцатого века был таков, что переселение это иначе как эпическим назвать невозможно. Не пешком по пустыне – на самолетах, поездах, кораблях, но от этого не менее глобальное. Дети – маленькие и большие, увезенные родителями в эмиграцию, или те, кто уже там родился, сейчас выросли, впитали другую культуру, становятся или стали лидерами в науке и бизнесе, технологии и искусстве, медицине и юриспруденции, там, далеко от России, которая их потеряла. Навсегда.

Исторически исход всегда был последним средством спасения евреев от преследований и гибели. Каждый раз, казалось, был последним. Проходили десятилетия и века, и они опять поднимались и шли, спасая детей и себя, в надежде на лучшую судьбу. И каждый раз, в новой среде с новыми порядками, они подстраивались под новые ограничения, которые власти вводили специально для них. Оставаясь евреями, они вбирали в себя характерные черты народов, среди которых жили, и которые оказали влияние на их культуру. Все эти культуры – та, в которой мы были рождены, та, в которой прожили большую часть жизни и та, которую обрели в течение долгих лет иммиграции, остаются внутри нас, образуя какую-то новую идентичность. При всем различии взглядов, образования, места жительства в огромной империи, советский

менталитет глубоко сидит в каждом, кто провел там свои сознательные годы. Так кто мы на самом деле?

После долгих колебаний я пришел к выводу, что кто-то должен попытаться понять и описать то, что глубоко спрятано внутри, но неизбежно волнует каждого из нас: кто я теперь? Я начал со своей личной истории, потом почувствовал, что она типична для многих в моей среде и сделал шаг в сторону обобщения, ведь, в конце концов, мы, покинувшие Россию (Украину, Белоруссию, другие осколки бывшей империи) по американской программе еврейских беженцев или по любой другой программе, имеем общую судьбу. Для меня, одного из них, важно было понять, насколько еще сильны, с одной стороны, духовные связи с Россией, страной, где я родился, а с другой – насколько я ощущаю себя носителем еврейского наследия, которое никогда не было важной частью жизни евреев в Советском Союзе. С третьей стороны, русскоговорящие евреи-граждане Соединенных Штатов – это целый пласт современного народа Америки со своей многомерной культурой. Мне показалось важным подумать об общности этих людей, о жизни в двух столь различных обществах – российском и американском.

В некотором роде, Россия и Америка – антиподы. В Америке совершенно иные правила игры, слишком рациональные для русской души. И на этом поле с другими правилами игры и укладом жизни оказался новый народ-пришелец. Америке не привыкать, она впитала в себя культуры десятков народов на протяжении своей истории, а большинство культур растворилось в американском плавильном котле. Русская культура тоже обречена на ассимиляцию в течение одного-двух поколений.

Последняя волна еврейской эмиграции-иммиграции длилась около тридцати лет, начиная с семидесятых и до конца девяностых. Сравнивая первые и последние приливы иммиграции, между которыми 60–80 лет, замечаешь больше различия, чем сходства, потому что советские евреи являли собой феномен, подобного которому в истории России и других стран не было. Нравственные понятия, черты национального характера – все то, что можно назвать культурным базисом советского еврейства – это тоже часть советской цивилизации, в которой формировалась идентичность советских евреев. Политические и социальные события в период с 1960-х и до начала 1990-х годов в этой книге лишь фон, а их описание не претендует на исторический анализ.

Самой серьезной причиной еврейского исхода из Советского Союза конца двадцатого века был тихо насаждаемый партией и правительством антисемитизм с пресловутыми процентными нормами евреев при приеме в институты и ограничениями по найму на работу. Этот порок находил благодатную почву и у населения. Справедливости ради надо сказать, что антисемитизм присутствует в разных слоях общества и в других странах. Но послевоенный советский антисемитизм был особенно циничен. Так называемый «пятый пункт» – национальность – был обязательным атрибутом советского паспорта, а для евреев он вдобавок был черной меткой, такой же, как желтая звезда Давида для евреев гитлеровской Германии. Советские евреи особенно страдали от него после Великой Отечественной Войны и вплоть до распада СССР.

Вопрос о лояльности евреев стране проживания всегда был главным в их отношениях с коренными народами. В странах, где они жили, их обвиняли в неприятии культурных и религиозных ценностей титульной нации, иными словами – в нелояльности. Я бы посмотрел на эту проблему с обратной стороны: были ли евреи лояльны странам, где у них были равные возможности с коренным населением? Мой ответ: да, были. Советская власть в период с 1917 по начало сороковых сажала в лагеря и расстреливала свой народ, включая и евреев, но не потому, что они евреи, а потому, что такова была плотоядная сущность этой власти. И уже за это непреследование по национальному признаку евреи были в то время лояльны по отношению к той власти.

Эта книга об одном народе, объединенном общей судьбой, но тем не менее, весьма разобщенном, который прошел или все еще проходит через трудности иммиграции и головоломку

самоидентичности. Некоторые сохранили свой прежний менталитет, образ мышления, привычки, манеру поведения и отношение к окружающему миру, другие изменились в корне. Трудно говорить сразу обо всем народе, слишком он разный, пусть и в чем-то схожий. Схожесть в нашем бэкграунде, фоне, на котором происходили события предыдущей жизни.

Находясь в разное время в России и Соединенных Штатах, некоторые оказались очевидцами больших событий в новейшей истории этих двух стран. Не забуду пьянящий воздух свободы 20 августа 1991 в Ленинграде на Дворцовой площади перед провалом Августовского просоветского путча. Не забуду и американскую трагедию 11 сентября 2001 года, свидетелем которой я стал, находясь в тот момент в Нижнем Манхэттене. События такого масштаба – это большие камни, из которых складывается история.

Я говорю здесь не только о русских евреях, разделивших тяжести советского периода со всем бывшим советским народом, но и о «русских русских». Очень трудно провести линию раздела между двумя народами, судьбы которых были переплетены и смешаны долгие два века. Много чего было во взаимоотношениях этих двух народов: унижительная черта оседлости, погромы черной сотни и гражданской войны, расстрелы Еврейского Антифашистского Комитета, убийство великого артиста Михоэлса, широко распространенный в народных массах т. н. бытовой антисемитизм, борьба с космополитами, дело «врачей-отравителей», направленные прямо против евреев, и подготавливавшаяся, но неосуществленная их депортация в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока, и так далее и так далее... всего и не перечислишь. Но было и еврейское руководство большевистской революцией, и расстрелы царской семьи и другие, к которым были причастны революционеры-евреи. Было и спасение многих евреев русскими семьями от расстрела немцами в период оккупации. Были и массовые расстрелы евреев местными полициями.

Все это было в России, стране, близкой мне и одновременно уже далекой. Этот отдаляющий дрейф будет продолжаться: близкие с российским народом в самом начале, мы, как в генеалогическом древе, в следующем поколении станем двоюродными, троюродными, и наконец, просто народами, имевшими некогда общую историю. До того как это произойдет, пока мы еще свои, пока там, в России, есть люди, которых я знаю много лет и люблю, я хочу внести некоторые обобщения о прошлом и дать имена настоящему.

I. Исход двадцатого века

*Новый фараон взошел на трон в Египте... Он сказал своим людям:
«Эти израильтяне становятся для нас опасны и их становится много.
Надо положить этому конец».*
Экзодус 1:9

28 мая 1996 года Боинг 737 Санкт-Петербург – Нью-Йорк совершил посадку в аэропорту Джона Кеннеди и принес из России в Соединенные Штаты еще одну семью, мою. Неизвестность и неопределенность нашей будущей жизни вносили беспокойство в это большое событие, и только наш 5-летний сын Боря был очень взбудоражен таким интересным приключением. Еще бы, первый раз в жизни на самолете да еще в неизвестную страну, и после 10 часов перелета! Мы – это русские евреи, граждане недавно распавшейся страны, которые совершили решительный шаг в поиске лучшей жизни. Семья наша – одна из сотен тысяч еврейских семей бывшего нерушимого союза бывших советских республик, покинула разрушенный союз в надежде на лучшее будущее.

Продолжался эпический по масштабу исход евреев из советского и пост-советского пространства. С чем он связан и почему произошел? Не только по экономическим причинам, обострившимся после крушения коммунистической империи. В немалой степени он касался и сосуществования культур и народов. Каждый человек уникален, но когда мы говорим об этнических связях, какие-то невидимые, но мощные силы соединяют или, наоборот, разъединяют людей. Был ли он действительно неизбежен, этот последний исход евреев из Советского Союза, а потом из России и других республик?

Еврейская эмиграция, – хоть и похоже, но это не Исход евреев из древнего Египта – между ними три тысячи лет. Нет даже достоверных археологических доказательств, что исход вообще имел место быть так, как он описан в Библии. Тем не менее, допуская, что древний исход все-таки произошел, мы видим некоторую схожесть в том, что и египетские фараоны, и советские власти не хотели отпускать этот народ; а также и то, что в обоих случаях евреи чувствовали унижение, что во многом и послужило им толчком к исходу.

Для многих объяснение причин такого почти бегства русских евреев к концу двадцатого века из бывшего Советского Союза лежало в плоскости чисто экономической. «Соблазнились на хорошую жизнь, скатертью дорога», – скажет иной русский человек; «Колбасная эмиграция», – скажет наш же эмигрант семидесятых годов про эмигрантов девяностых, убежденный, что уж он-то уехал по чисто политическим мотивам. И то и другое – правда, однако с оговорками. Что ж, стремление улучшить свою жизнь – понятный и оправданный мотив для каждого. В России пост-1991 года, когда индустрия умерла, и большинству работников умственного труда не осталось места на интеллектуальном рынке работ, надо было идти торговать чьим-то, сторожить чье-то или уезжать насовсем.

Антисемитизм? Да, был и он. Но было еще что-то, что подняло целый народ (во всяком случае, его большинство) на исход тогда, когда это стало возможным. Для того чтобы зайти в эту дверь, нужно приоткрыть и еще одну, другую, ключом, который является ответом на вопрос о еврейской лояльности стране проживания. Войдем мы в эту дверь позднее, а пока подумаем о национальных характерах народов – обобщенного русского, включающего многие народы бывшего Советского Союза, и еврейского, – чтобы понять корни специфически советского антисемитизма и получить ответ на вопрос: почему советская Родина-мать была, по существу, мачехой для евреев?

Такие же или другие?

Историческая справка 1. В конце восемнадцатого века большое количество евреев оказалось в границах расширенной России, после того как русская императрица Екатерина II получила большие территории Восточной Польши в результате ее раздела между Россией, Пруссией и Австрией. Этот период и начал отсчет времени совместного проживания русского и еврейского народов, длившегося двести лет вплоть до конца двадцатого века.

За двести лет русский (в расширенном смысле, включающий многие другие этносы огромной российской империи) и еврейский народы, прожившие бок о бок столько поколений, прошли вместе через специфично российские жестокие эпохи: затянувшегося феодализма, незрелого капитализма, затем ультралевого тоталитарного социализма. Они прошли через невероятные страдания, революции и войны, сталинские тройки, расстрелы и лагеря. Страх вошел в умы и души на генетическом уровне. Советская власть освободила русских евреев от черты оседлости, но сделала их меньшими евреями, чем они когда-либо были.

Отношения двух народов – русского и еврейского – как, впрочем, и некоторых других внутри империи, никогда не были простыми. И даже когда уже в советские времена большинство евреев утратили традиционный облик, включавший лапсердак с пейсами, а также род занятий и приписываемые им манеры и привычки, религиозную культуру, некий ментальный водораздел между евреями и неевреями остался. И это несмотря на то, что фон, на котором росли и воспитывались советские евреи, ничем, по существу, не отличался от того, при котором существовали другие народы огромной страны.

Концепция национальных черт народа довольно условна, тем не менее, есть какие-то общие черты, которые создают то, что мы называем национальным характером, культурой. В рассуждениях о характерах двух народов ограничимся только советским периодом, когда евреи уже не были связаны обязательным проживанием внутри черты оседлости и были более ассимилированы в русскую жизнь. Начиная с тридцатых годов, большое число евреев, получив образование, доступа к которому они были лишены в царское время, довольно быстро стали частью нового слоя советского общества – интеллигенции.

Что же все-таки отличало евреев от других их соотечественников и почему отношение к ним было другое? Многие русские классики неоднократно затрагивали эту тему в негативном для евреев ключе, но я не хочу ни повторять их, ни опровергать. Двести лет, проведенные если не вместе, то рядом, а особенно семьдесят лет советского периода, наложили глубокий культурный отпечаток на русское еврейство.

Если говорить о мировом еврействе, то это очень культурно разобренный народ, хотя такое разобрение нехарактерно для советских евреев (во всяком случае, в доэмигрантский период). Советский еврей сильно отличался от европейского, ближневосточного или южноамериканского, и даже – от потомка русских евреев, живущего в Соединенных Штатах. В процессе ассимиляции евреи приобрели много чисто русских черт. В результате советский еврей стал одновременно носителем русской культуры и еврейского склада ума. Он носит в себе культурные черты русского человека больше, чем, например, британский еврей носит черты британца, что можно объяснить гораздо большей однородностью культурной среды в тоталитарном государстве. Поэтому русские евреи в любой загранице – в первую очередь русские, и только во вторую – евреи. Советские евреи всегда хотели раствориться в одной большой нации, а крохотная Еврейская Автономная область, искусственно созданная в тридцатые годы на Дальнем Востоке по приказу вождя народов, так никогда и не стала центром советской еврейской жизни.

Число русских – коренной национальности страны – значительно превышает половину населения, тогда как число евреев никогда не превышало 4 %, а сейчас, после распада Союза и

массовой эмиграции, оно упало до 0,2–0,3 %. Надо ли вообще обсуждать особенности национального характера русских и евреев? Считаю, что да, нужно, прежде всего – для понимания, кто все мы, русские и евреи, народы, прожившие бок о бок двести и более лет, с глубоко сросшимися судьбами, во многом похожие, но в чем-то существенном различные, а сейчас почти расставшиеся. Это нужно и для понимания причин этого расставания. Скажу заранее, это не черно-белая картинка, и будет уместно еще раз подчеркнуть, что каждый индивидуум любой национальности и культуры уникален. В любом обществе всегда найдутся люди, чей характер, склонности и состояние ума будут совершенно противоположны тем, которые приписывают к чертам так называемого национального характера. Однако трудно оспорить и то, что общности в характере народа это то, что составляет его культуру. Описать национальный характер целого народа – задача непростая. Всегда будут люди, не согласные с этими характеристиками, это их право.

Живя в России веками вместе, многие народы так ассимилировались, что теперь трудно найти человека, кто был бы на сто процентов русским в этническом плане даже во втором-третьем поколении. Поэтому, говоря о русском характере, я, конечно, имею в виду, прежде всего, культурный аспект. Семьдесят лет советского правления выровняли разные народы до «новой исторической общности», которую в мире называют просто: русские.

Родившись и прожив всю или большую часть жизни в России, русские евреи в значительной мере русские по культуре; но другая часть их менталитета не принадлежит этому народу, поскольку они рождены и воспитаны в еврейских семьях – не в религиозных или традиционных, а типичных семьях советского среднего класса, еврейской интеллигенции.

Важно иметь в виду, что до Октябрьской революции 1917 года в России существовали классы людей, которые по своему образу жизни, роду занятий и культурному уровню сильно различались, я имею в виду дворянство и простонародье. Дворянство как высший класс имело свои представления о чести и репутации, которые были мало присущи простому народу. Такое мироустройство кардинально изменилось после 1917 года. Более чем двадцатилетнее преследование и истребление «социально чуждых элементов» – бывших дворян и собственников, а также годы красного террора начисто смели с российской почвы дворянство с их культурой и манерами поведения. Сотни тысяч из них эмигрировали. В результате российский народ стал другим, пролетарским, который со временем стал народом советским. Постепенно, к позднесоветскому периоду (1960–1980 годы) сформировались две неравные части этого народа: «синие воротнички», или простой народ (большинство) и «белые воротнички» – интеллигенция (меньшинство). Разница между этими двумя группами была настолько заметна, что мы имели как бы две цивилизации в одной стране. Мои характеристики сфокусированы на простом народе, поскольку он составляет большинство русского народа.

Вы не задумывались: почему, когда говорят о русском национальном характере, то в отличие от других национальностей, как правило, употребляют сочетание *русский человек*, а не просто русский? Аналогичные словосочетания: английский человек, японский человек, сомалийский человек звучали бы довольно нелепо. Возможно, это не только потому, что слово русский звучит скорее как прилагательное, но и потому, что слово «человек» добавляет какую-то дополнительную краску в характер этого народа. И такой краской можно писать только характер народа огромной страны.

Русский человек легковверен и недоверчив одновременно. В пост-советский период начала девяностых, когда «делать» деньги стало второй религией, умный мошенник Мавроди организовал финансовую пирамиду, известную на Западе под названием Понзи (по имени первого мошенника, обманувшего простодушных сограждан). «Инвестмент банк» Мавроди ограбил десятки тысяч людей, отдавших ему свои деньги в расчете на быструю сверхприбыль. Народное доверие мошеннику было до того безграничным, что даже после закрытия этого «банка» и пропажи денег те же ограбленные им люди голосовали за него на выборах в депу-

таты парламента! Он заседал в нем до самого ареста. А люди все несли и несли свои жалкие обреченные деньги, несмотря на перманентный кризис, когда не то, что большой возврат денег был невозможен, но и вообще никакой. Если бы эти люди смогли подумать и посомневаться: а возможно ли в стране с развалившейся промышленностью получить быструю сверхприбыль без обмана граждан? – наверное, несчастных было бы меньше. Аналогичная пирамида была создана Берни Мэдоффом в Нью-Йорке. Разница между русской и американской пирамидами лишь в том, что вкладчики верили Мэдоффу только до того, как разразился финансовый кризис 2008 года. Когда же они поняли, что денег обратно не получить, Мэдофф был разоблачен, и о вкладах в его компанию больше не могло быть и речи. Русские же вкладчики были готовы иступленно нести и нести новые деньги, несмотря на разоблачение Мавроди. Легковерие есть и в политическом аспекте: пропаганда с экранов телевизоров легко внедряется в сознание простых людей, и власти используют эту доверчивость в своих целях.

Недоверие – отнюдь не противоположная черта доверчивости, а ее обратная сторона, и оба эти качества вполне уживаются в одном человеке. Человек не склонен доверять слову, если слышит его не из телевизора или не прочтет в газете. Недоверие и страх причинения вреда существуют на подсознательном уровне. Русский человек не так открыт, как, например, американец; он не будет говорить открыто с кем-то, если этот кто-то не его знакомый. Типичная зарисовка из жизни двух разных обществ: несколько групп людей находятся в одной кабине большого лифта – американцы внутри одной из групп будут разговаривать естественно, не понижая голоса; русские не будут говорить вовсе или будут разговаривать так тихо, чтобы люди другой группы их не слышали. Существовавший веками страх непонятного и незнакомого вызывает и различный подход в отношениях с окружающими людьми: впервые встреченный индивидуум не рассматривается как хороший человек до тех пор, пока он не доказал, что хороший – это типично русский подход, настороженный и закрытый.

Русский человек щедр. Однажды я вел машину по ужасной грязи в отдаленном сельском районе, был дождь, дорогу так размыло, что моя машина забуксовала. Я понял, что без помощи не обойдусь. На мое счастье я услышал тарахтение трактора на близлежащем поле, подошел и уговорил тракториста вытащить мою машину. Он быстро и ловко подцепил ее и вытащил. Я был так благодарен, что протянул трактористу две бутылки водки, которые случайно оказались у меня в машине. Тракторист вернул одну бутылку мне, сказав, что он не может оставить человека без последней бутылки!

Хорошо известно, что русский характер терпим к трудностям и препятствиям и, как показал опыт столетий, к преследованиям со стороны авторитарного режима, и предпочитает его либеральной власти. Авторитарные правители – русские цари, Сталин, Путин, опирающиеся на своих опричников, любимы народом. Неограниченная власть над институтами – юстицией, парламентом, прессой, прикрытая фразеологией об интересах государства, а на самом деле ширма для абсолютизма – сделала их «крутыми», а значит – и популярными в народе лидерами. Другие лидеры, которые не использовали репрессивных мер для сохранения власти, были нелюбимы, а подчас и презираемы. Такой парадокс проливает некоторый свет на «русскую душу». Граница между народной любовью к правителю и страхом к нему почти невидима. Страх по отношению к верховному правителю и страдание во имя него были всегда необходимыми атрибутами сильной власти.

В характере русского народа глубоко и прочно сидит понятие справедливости, причем справедливость понимается скорее не как воздание каждому по его заслугам, а скорее как распределение поровну. Возможно, поэтому первое в мире социалистическое государство было создано и просуществовало семьдесят лет именно в России.

Отсюда такая нелюбовь (если не сказать сильнее) к богатым и к тем, кто предприимчивее. Чувство справедливости по шкале приоритетов, как правило, стоит выше законопослушания

(назовем это синдромом Робин Гуда) и от этого противоречия иногда возникают проблемы как во внутреннем, так и в международном правовом поле (пример – «Крым наш!»).

По горькой иронии, в стране, где всегда присутствовал страх народа перед государством и его правителями, слышно много заклинаний, как граждане должны любить государство. Эта серьезная особенность взаимоотношений народа и государства фундаментально отличает российское общество от западного. В российском менталитете до сих пор популярна концепция царя, его опричников, бояр и черни, которые служат царю и отечеству. Такое общество не может быть по-настоящему свободным. Свобода появляется только тогда, когда простые люди начинают понимать, что государство у них на службе, а не они у государства.

Русский характер одновременно объединяет в себе такие противоположные черты как сострадание и равнодушие. Даже если кто-то виноват, но страдает, люди симпатизируют ему. Например, Ельцин конца восьмидесятых страдал от обструкции коммунистического политбюро, и чем больше его обвиняли коммунисты, тем большей была поддержка среди народа, в результате чего он был избран президентом. Причина этого скрывается глубоко в православной заповеди – место страдальца после смерти в раю.

Но иногда равнодушие находится за пределами добра и зла. Ужасный пример его проявился в трагическом инциденте с пассажирским теплоходом «Булгария», затонувшим на Волге во время сильного шторма в июле 2011 года. Судно было перегружено людьми. Огромная волна накрыла его с одной стороны; теплоход накренился на один борт, приняв в себя слишком много воды через открытые окна, иллюминаторы и двери, в результате чего потерял стабильность и стал быстро погружаться. Капитаны двух проходящих мимо судов видели людей в воде, пытающихся спастись, и не пришли к ним на помощь. И только третье судно подошло на помощь и спасло несколько человек. Однако большинство погибло, включая тридцать детей. Их гибель, в том числе, на совести тех, кто был в состоянии помочь, но не сделал этого. Что было в душах людей на борту этих двух судов, которые прошли мимо тонущих детей, словно это был мусор в реке? За последние годы появилось много верующих, носящих крестики, как символ веры. Могу предположить, что среди членов команды судов, не пришедших на помощь, были и люди с крестиками на цепочке вокруг их «верующей» шеи. Россия, что с тобой происходит?!

Большинство сегодня готовы обвинять других более, чем себя самих за свои неудачи, но не готовы признать собственную ответственность. Точно так же, как не готовы признать и свою персональную ответственность за коррупцию, за равнодушие или хамство: это не мы, это те, другие.

В чем действительно существует большая разница между Россией и Западом – в повсеместной практике «срезания углов», что тоже отчасти связано с особенностями национального характера – известный всем русский «авось». Под этим подразумевается невыполнение каких-то требуемых правил: от технологических до юридических процедур, правил безопасности или установлений в любой другой области. Люди, обязанные их выполнять, но не выполняющие, почему-то считают, что это не повлечет за собой последствий. Повлечет – не раньше, так позже, но повлечет! Кто не испытывал авантюрный соблазн рискнуть, сделать то, что нельзя или не сделать то, что требуется ради того, чтобы в чем-то выиграть, сэкономить в деньгах, во времени? В десяти или ста случаях это могло срабатывать, но на одиннадцатый или сто первый могло и не сработать... И тогда дурацкий риск оборачивается гораздо большей потерей. Если на Западе выполнение предписанных правил стоит на первом месте, то в России нечасто заботятся об обязательном выполнении даже и небольших правил, – будь то в бизнесе, технологии или безопасности. Да, порядок существует, есть и штат инспекторов, но... инспектор может быть подкуплен, а изделие произведено и без этой тонкой, но оказывается, необходимой для его качества процедуры. Это одна из причин коррупции. Если с намерением сэкономить не выполнены все правила, скажем, пожарной или строительной безопасности, то понятно, что

инспектор, который «не видит» нарушений, берет взятки. Это может стоить жизни людям. «Срезание углов» – одна из возможных причин технологического отставания России от обобщенного Запада.

Русский человек добросердечен. И хотя он не так общителен, как, например, средний американец, но может открыть сердце и излить душу человеку, с которым сидит рядом. Чаше – за бутылкой. Пристрастие к выпивке у русских, как и полнота у американцев – на национальном уровне. Ничто так не объединяет русских как совместная выпивка; она объединяет даже тех, кто едва переносит друг друга. В компании пьющих тот, кто не пьет, выглядит подозрительно – как человек, не принадлежащий этому теплому кругу лучших друзей. Выпивая, люди чувствуют себя теплее, безопаснее, они любят мир. Правда, не всегда.

Баня для русского человека – это особое место физического и духовного очищения. Столько фильмов и песен посвящено этому действию! Однажды я сказал своему другу Олегу, такому же любителю бани, как и я, как невероятно ароматны березовые веники из России – это запах то ли леса, то ли крепко заваренного чая, то ли мха и еще чего-то до боли знакомого, что дает ощущение глухомани, деревни. Веники, нарезанные на нью-йоркшине, такого ощущения не дают. Олег философски заключил, что это ностальгия. Я отрицал, но потом подумал, что поскольку веники сделаны из березок, то так и быть, пусть это будет ностальгия.

Образ жизни – это то, что объединяло русские и еврейские судьбы в России. Разъединяло же их традиционно разное отношение к ним государства и к самим себе: чем хуже государство относилось к евреям, тем меньшими евреями они хотели себя считать. Интересная особенность – вместо того, чтобы считать себя еще большими евреями в противодействии обстановке притеснения, многие порывали с еврейством, иные крестились. Евреи России, а позднее Советского Союза, всегда были особой частью народа, хотя их роль в разные времена была различной. После отмены черты оседлости основная их часть переехала в индустриальные города, где связь с традициями предков резко ослабла, а уж о религии и говорить нечего – советская власть записала ее во враги. Именно в это время наблюдается рост межнациональных браков евреев с другими этническими группами.

Описать еврейский характер простыми мазками нелегко. Евреи глубоко разделены культурами, среди которых они выросли. Ашкенази, сефарды, бухарские, горские и эфиопские евреи – это как разные нации или даже расы. Не буду характеризовать их всех, а скажу только о русских евреях, относящихся к ашкенази.

К первой еврейской черте я бы отнес чувство принадлежности к своей национальности. Большинство евреев всегда чувствовало свою национальную принадлежность – страна не давала им возможности забыть, кто они. Неважно, каков главный мотив этого чувства – общие традиции и религия, как это есть у религиозных людей, общая судьба и преследования, как было в разных государствах, но это и есть исторические корни. Илья Эренбург считал, что причина чувства принадлежности – преследования евреев: «Начните преследовать всех рыжих и они объединятся». Помню один эпизод из детства. Мне было двенадцать, и мы только что переехали в новую комнату на канале Грибоедова в Ленинграде. Мама пошла записывать меня в новую школу. Она разговаривала с завучем школы, который оказался евреем. Она назвала мое имя, на что он спросил ее на идиш: «Еврейский мальчик?», а затем добавил с улыбкой: «Давайте еще, давайте еще!» Указывая на эту чисто еврейскую черту характера, австрийский журналист Джозеф Рот, описывая крестьянскую общину первых лет социализма в России, заметил: «Русский крестьянин прежде всего крестьянин, а уже потом русский; еврейский крестьянин – прежде всего еврей, а потом крестьянин» (*The Wandering Jews. The Classical Portrait of a Vanished People*. W. W. Norton & Company, NY-London, 2001, pp. 11, 110). Это было написано в двадцатых годах, но правдиво и сейчас.

Другой важной чертой еврейского характера является активное участие (излишне активное, по мнению некоторых) в политической и социальной жизни стран, где они живут. Их

лидерство в политике и бизнесе в таких странах как Россия, Польша и Германия приводило к всплескам антисемитизма. А. Солженицын назвал евреев катализатором общественных процессов в любом обществе. Без сомнения, общее для евреев качество быть первыми в политике, искусстве, науке или индустрии является отличительным. То же качество имеет и обратную сторону: быть первыми не только в хорошем, но и в плохом – это несколько раз сыграло отрицательную роль в истории. Конечно же, плохое в данный момент представлялось им хорошим! Но кто мог знать, чем это может обернуться потом? Достаточно вспомнить число евреев-участников установления советской власти в России или потом – сотрудников НКВД. Революционная дорога в ад была вымощена благими намерениями активистов, в том числе и русских евреев, угнетенных империей! Та власть, приходу которой многие из них активно способствовали, стала убивать их самих в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Коренным народам такая активность, понятно, не нравилась: вы на нашей земле, и вы еще здесь и руководите!

История сделала по отношению к евреям две вещи, способствовавшие появлению и развитию антисемитизма: лишила их страны в результате исторического рассеяния в начале первого тысячелетия н. э. и одарила высоким интеллектом статистически значимое их количество. Сразу оговорюсь, что далеко не все евреи умные или одаренные, более того, говоря словами И. Губермана (по памяти), если еврей-дурак, то это обязательно большой дурак. Однако, ни юдофилы, ни юдофобы не будут отрицать, что без евреев мир и история были бы другими во многих аспектах. А ведь их всего-то – ноль целых две десятых процента от мирового населения!

Отличительная особенность еврейского характера – разнообразие мнений по каждой проблеме. У каждого Абрама – своя программа; у двух евреев всегда три мнения – гласят поговорки. Под программой, естественно, понимается не менее как программа мироустройства! Еврейская традиция дискутировать о чем угодно и с кем угодно стара, как этот мир. Еще библейский предок всех евреев, Авраам, спорил с Богом, чтобы спасти города Содом и Гоморру от разрушения. Нигде непримиримость к соплеменникам с другими политическими взглядами не достигает такой силы, как в Израиле, где еврейские политики собраны в одном месте. Трансформируя высказывание Джозефа Рота о евреях-крестьянах, я бы сказал, что, в отличие от крестьян, еврей-политик – это прежде всего политик, а потом еврей. Старейший ветеран израильской политики, бывший президент Израиля Шимон Перес говорил: «Руководить еврейским народом трудно – мы народ разделенный, упрямый и очень индивидуалистичный, мы народ веры, сообразительный и полемичный». Между прочим, полемика как элемент свободы выражения мнений стала одной из фундаментальных основ демократии в современном свободном мире.

В еврейском национальном характере помогать друг другу, когда речь идет о проблемах. Это если мы говорим о нормальных людях, а не о таком еврее-антисемите, кто готов потопить всех, лишь бы не подумали, что этот еврей-начальник покрывает еврея-подчиненного. Избави нас, боже, от таких соплеменников. Вообще, наличие еврейских ген в человеке вовсе не гарантирует существование в нем отличительных черт еврейского народа. Речь может идти только о статистически значимом количестве людей среди евреев, обладающих подобными чертами. Говоря о взаимопомощи, я не имел в виду, что все евреи – братья между собой. Если два еврея соперничают – это трудная борьба. Много лет назад, еще в России, у меня был еврей-начальник предпенсионного возраста. Его большой головной болью было не дать мне защитить кандидатскую диссертацию, чтобы я потом не стал руководителем группы и не сменил его на этом посту. Я потратил годы на эту борьбу и, в конечном счете, уже в перестроечные времена, стал руководителем группы, после чего услышал от него, уже пенсионера, признание в его неправоте.

Характерная черта еврейского народа – относительно большое стремление к знаниям и образованию. Процент русско-еврейских иммигрантов с высшим образованием наибольший по сравнению с другими иммигрантскими группами. Типичный иммигрант из России нерелигиозен, образование имеет меньшее отношение к религии, чем национальная традиция.

Относительно большое число евреев мира занимают лидирующие позиции в науке, искусстве, бизнесе. До сих пор нет внятных объяснений причин достижений евреев в интеллектуальной сфере. Можно только сделать допущение, что это как-то связано с рассеянием евреев, их потребностью выжить в трудных условиях враждебной окружающей среды. В советские времена такие способности в большой степени могли быть выработаны в результате понимания того неоспоримого факта, что для достижения равного положения на работе и в обществе, еврей должен был стоять на голову выше других, а то и вообще быть незаменимым. С этим мы выросли, это и помогло нам в эмиграции.

Россия глубоко вошла в менталитет и культуру русских евреев. Культурная разница между американскими евреями (нерелигиозными) и их русскими соплеменниками столь же велика, как и между американцами и русскими, кем они фактически и являются.

Американские евреи активны и образованы, но, несмотря на обилие разных еврейских обществ и организаций, они разобщены на персональном уровне – нет общего несчастья, которое долго преследовало бы их. Я не имею в виду ортодоксальных евреев, у которых чувство принадлежности к общине является чуть ли не главным, а говорю о секулярных (нерелигиозных), которые представляют другую культуру и как будто совершенно другой народ. Десятилетия несправедливости и притеснения консолидировали русских евреев, но только потому, что было притеснение. Нет притеснения – нет и консолидации. Американский еврей обладает многими качествами, которые есть и у русского еврея, но у него есть одно свойство характера, которое, как правило, отсутствует у всех русских: он открыт для других людей, потому как не боится, что сказанное им причинит ему вред. Помните пример с группами людей в лифте, разговаривающих в совершенно различной манере ввиду того, что все, сказанное ими, слышно другими? Это и о нас тоже. Вряд ли кто-то из нас будет обсуждать, например, свои личные проблемы в присутствии посторонних в лифте или где-либо из-за подсознательного страха возможного причинения себе вреда. Это то, что сделала с нами культура ограничений и отсутствие свободы выражения мнений. Человек должен родиться в свободном обществе, чтобы не бояться сказать то, что ему нужно сказать.

Трудно оценить, насколько религиозны или секулярны были бы русские евреи, если бы не коммунистический бандаж. Советская власть отобрала возможность этого выбора, пусть и освободила от черты оседлости. В результате они (мы) в значительной мере остаемся малосведущими в иудаизме как системе ценностей. Меняется мир, меняются и евреи. Из забитых жертв погромов и всюду преследуемых жителей черты оседлости девятнадцатого – начала двадцатого века, евреи стали одним из самых продвинутых в интеллектуальном и духовном плане народов.

В Америке иммигрантов-евреев из России идентифицируют как просто русских. А как иначе? Ведь в Британии евреи – британцы, во Франции – французы, а в Аргентине – аргентинцы. Несмотря на то, что все они такие разные в культурном и даже расовом отношении, что-то важное связывает их между собой. Это наличие общих для всех евреев проблем, а именно: то, что они ненавидимы некоторой (довольно большой) частью человечества; то, что они стремятся к продвижению и первенству. И, наконец, то, что они связаны общей древней историей, которую очень многие из них просто не знают, хотя и чувствуют свою к ней причастность.

После двухсот лет вместе, в одной стране, два народа: один большой, но медленный, другой маленький, но громкий, как супруги, прожившие долгую совместную, но безрадостную жизнь, расстались. Маленький заявил о своем желании уйти, а большой, наконец, не стал этому больше препятствовать. Причин для расставания было много, и будем откровенны, не всегда антисемитизм был главной из них, однако, всегда был в их числе. Сейчас – об этом.

Пятый пункт

Это удивительно, но лучшие советские песни, в том числе патриотические, написаны евреями. Не будем перечислять этих талантливейших композиторов и поэтов, песни которых так любимы в России – все и так их хорошо знают. Именно ими фактически создана советская песенная культура тридцатых-шестидесятых годов прошлого века. Более русскими, чем сами русские, были только евреи Советского Союза! Но пролетарское государство знало, кто есть кто: национальность была прописана в паспорте, и это облегчало ему оценивать людей по их *главному* признаку (наряду с социальным происхождением). Не по паспорту, так по фамилии, не по фамилии, так по внешности – но космополиты и сионисты должны быть разоблачены! Никуда не денешься – будешь отвечать за свою неподобающую национальность!

Антисемитизм не просто удел отдельных людей, называемых ксенофобами, а нечто более глубокое. Многие известные люди, а также выдающиеся личности, ставшими историческими: Мартин Лютер, Вольтер, Вагнер, Чайковский, уже не говоря о великих русских писателях, весьма отрицательно относились к евреям. Это не значит, что они заслуживают отвержения со стороны евреев, которых ненавидели. Будем отделять их высокие таланты от человеческих качеств и не станем платить той же монетой.

Уверен, что огромное число русских людей не делают различия между собой и своими земляками с еврейскими корнями. К сожалению, те, кто делает такое различие и настроен к евреям враждебно, тоже русские. Чем бы евреи ни отличались от народа любой страны, исторически эти различия всегда оборачивались для них проблемами, так как коренной народ в странах, где появлялись евреи, не мог терпеть конкуренцию со стороны чужаков (а евреи России традиционно считались таковыми), вмешивающихся в местные дела. Такая конкуренция заканчивалась погромами (в России, Украине, Молдавии), а ранее – изгнаниями (в Западной Европе) и требованиями свергнуть «еврейское иго». Любой негатив зачислялся на счет всего еврейского этноса.

Историческая справка 2. Корни антисемитизма уходят далеко вглубь истории. Когда на земле появился первый антисемит? Первые найденные исторические записи об отрицательном отношении к евреям датированы третьим веком до нашей эры в древнем Египте. Как отмечает историк Роберт Уистрич, антисемитизм в древнем мире, включая Элладу, возник вследствие того, что никакая другая нация, исключая евреев, не хотела признавать религии своих соседей. Чтобы как-то снести оскорбления от недружественных соседей-язычников, евреи провозгласили превосходство своей монотеистической религии над языческой как имеющей более разумный этический код (Robert Wistrich. *A Lethal Obsession. Anti-Semitism from Antiquity to the Global Jihad*. Random House, New York. 2010, p. 81). Он же отмечает, что первый известный погром произошел в г. Александрии в 38 году н. э. при римском императоре Калигуле. Как видим, погром – не российское изобретение.

Новый тип антисемитизма начался после рассеяния, т. е. потери евреями своего государства ввиду завоевания его римлянами, и расселения их в разных странах Европы и Ближнего Востока. Появление неких пришельцев было воспринято как нежелательное. Ненависть к ним росла по мере осознания аборигенами появившейся конкуренции в торговле и ремеслах, которая часто заканчивалась не в пользу местных жителей. Кроме того, новые люди имели другой внешний вид, необычные черты, иную веру; они строили синагоги, были слишком активны в коммерции. Все это, в конце концов, после десятилетий и столетий противостояния заканчивалось в средние века изгнанием этого народа из разных европейских стран. Условием остаться, которое ставили гонители перед евреями, было порвать со своей религией и культурой. Деннис

Прагер и Джозеф Телушкин назвали два исключения из правила: прими евреи другую религию, их бы не притесняли.

Прагер и Телушкин отмечают, что «поскольку корни антисемитизма заключаются в иудаизме, евреи, в отличие от других жертв расизма и этнической предвзятости, могли почти всегда, за исключением господства нацизма (в Германии в тридцатые – сороковые годы) и... в Испании 14-го и 15-го веков, избежать преследования. В течение тысяч лет и до сегодняшнего дня те евреи, которые отказались от еврейской идентичности и приняли господствующую религию, не преследовались», (D. Prager and J. Telushkin. *Why the Jews? The reason for Anti-Semitism*. A Touchstone Book published by Simon & Shuster, 2003, p. 9).

Назовем третье исключение из этого правила – Советский Союз 1940-х – 1980-х годов. Хотя пост-революционные русские евреи были далеки от иудаизма и большей частью глубоко ассимилированы в русскую культуру, они в той или иной мере (в крупных городах больше) страдали от распространенного в советском обществе антисемитизма.

Советский антисемитизм произошел от дореволюционно-российского и добавил в свой арсенал и новые мотивы. Причины антисемитизма в дореволюционной России, возможно, лежат в различиях в национальных характерах еврейского и остальных народов, населявших Россию. В конце восемнадцатого века глубоко патриархальный русский народ, включая как низшее, так и высшее его сословия, оказался, в результате расширения России на запад, в одной стране с совершенно другим народом, где большинство были люди предприимчивые, хваткие, очень работоспособные, но во всем другие: по культуре, религии, внешнему виду. К этому надо добавить другие праздники и выходные дни и, конечно, зависть к достатку и неприязнь к чужеродцам. Вот вам и гремучая смесь для погромов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.